

Интерпретация Ф.В.И. Шеллингом кантовского учения о схематизме

Научный руководитель – Резвых Петр Владиславович

Переплеткин Александр Владимирович

Студент (бакалавр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: avperepletkin@edu.hse.ru

Учение о схематизме, которое мы встречаем в «Критике чистого разума», служило Канту для связи рассудка и чувственности. Однако сам характер этой связи в аспекте ее процессуальности (приемы) Кантом эксплицитно оставлялся в тени: «Схематизм нашего рассудка в отношении явлений и их чистой формы есть скрытое в глубине человеческой души искусство, настоящие приемы которого нам вряд ли когда-либо удастся угадать у природы и раскрыть» (Кант 2006, С. 259). Насколько мне кажется, Шеллинг, который еще с ранних лет был знаком с философией Канта и особо интересовался его теорией воображения (См. Summerell 2004), в отношении этого решения с ним согласен не был. В его работах мы встречаем попытку прояснить сами эти приемы. Ключ же для этого Шеллинг нашел в вышеприведённой нами цитате, а именно в слове «искусство». Неудивительно поэтому, что наиболее подробную такую попытку мы встречаем в его «Философии искусства».

В 39 параграфе этой работы Шеллинг пытается разъяснить собственное понимание символа посредством аллегории и... схемы. В первой мы понимаем общее через некое особенное. Схема же, как полагает Шеллинг, имеет противоположное направление: через общее некое особенное. Именно направление, так как Шеллинга интересует процесс, сам прием. Оба они суть элементы синтеза, который и есть символическое.

Примечательно, что все три, как отмечает Шеллинг, возможны лишь благодаря способности воображения, которая у Канта и была ответственна за схематизм. Шеллинг даже специально повторяет кантовское отличие схемы от образа. Образ всегда конкретен и отличается от чего-то действительного только тем, что он не находится в мире вне нас. Схема же, хотя и не утрачивает связи с этим конкретным, с особенным, всё же более принадлежит общему. Иначе говоря, она и не предмет и не понятие, но нечто среднее между ними. В этом Шеллинг пока что совпадает с Кантом, однако дальнейшее разъяснение им своего понимания схемы дает некоторую большую феноменологическую ясность. Это осуществляется на примере ремесленника (*des mechanischen Künstlers*). Допустим, что ему нужно нечто изготовить и понятием этого нечто он обладает. Сможет ли он сугубо общее в сугубо особенное? Демиург у Платона в «Тимее» может осуществлять это, но только созерцая парадигму. Для Шеллинга идёт акцент именно на созерцании. Созерцается схема таким образом, что понятие изделия схематизируется, то есть оно как общее созерцаемым как если оно было бы особенным. «В соответствии с этим созерцанием он делает сначала лишь грубый набросок всеобщего, затем отрабатывает отдельные части, пока схема постепенно не станет для него вполне конкретным образом и пока, после того как полностью определится образ в его воображении, и само произведение не будет завершено» (Шеллинг 2020, С. 70). Иначе говоря, Шеллинг утверждает, что схема может быть динамичной, причем таким образом, что она может стать образом. Это имеет значительные последствия.

Во-первых, учение о схематизме становится более понятным, что отмечает и сам Шеллинг: «... путем одного лишь внутреннего созерцания всякий сможет понять, что такое

схема и схематизм. . . » (Шеллинг 2020, С. 70). Во-вторых, существенный элемент кантовского определения схемы меняется. Когда Кант пишет о схеме эмпирического понятия, например, тарелки, он полагает, что к ней может принадлежать лишь ее геометрическая определенность, круг (См. Кант 2006, С. 255). Такой тип схемы всегда связан именно фигурой в пространстве: «. . . схема чувственных понятий (как фигур в пространстве)...» (Кант 2006, С. 261). В отношении трансцендентальных схем это определение времени. Пространство же и время суть у Канта чистые формы созерцания. Однако, стоит отметить, что шеллинговская интерпретация схемы как того, что может перейти в образ имплицитно то, что схема может содержать с себе такой элемент эмпирического как цвет, который для Канта был зависим не от формы, а от материи созерцания, то есть ощущения. Мысль же о преодолении кантовского дуализма материи и формы, в целом, близка была ещё раннему Шеллингу (Резвых 2004, С. 262). Следовательно, можно предположить, что такой вывод не должен был противоречить его намерению.

Наконец, возникает вопрос о том, какой статус тогда имеют у Шеллинга трансцендентальные схемы. Если схема как созерцаемое правило создания чего-то эмпирического проясняется через деятельность ремесленника, то в «Системе трансцендентального идеализма», посвященной трансцендентальной истории Я (в смысле близком Фихте), ремесленником становится само Я, а создаваться будет не некий определенный объект, а объект вообще как таковой (См. Шеллинг 1987, С. 387). Впрочем, пожалуй, в отношении трансцендентального схематизма такое сравнение уже не содержит той феноменологической ясности, которую Шеллинг дал схематизму чувственных понятий и которая делает схематизм чем-то близким каждому из нас.

Источники и литература

- 1) Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Иммануил Кант; Ин-т философии РАН. М.: Наука, 2001-2006. Т. 2: Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой, 2006.
- 2) Резвых П.В. Ранний Шеллинг и Кант: поиски безусловного // Историко-философский ежегодник. 2004. С. 250-278.
- 3) Шеллинг .В.Й. Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения. Т. 1. М., 1987. С. 227-489.
- 4) Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства / Ф.В.Й. фон Шеллинг; [пер. с нем. П. С. Попова; примеч. А. В. Михайлова; вступит. ст. А. В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик, 2020.
- 5) Summerell, O. F. (2004). The Theory of the Imagination in Schelling's Philosophy of Identity. *Idealistic studies*, 34(1), pp. 85-98.